

ГАМЛЕТИЗМ И КИХОТИЗМ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

Цель данного исследования – определить стратегические понятия – гамлетовский код и донкихотовский код в их социально-культурном аспекте; представить гамлетизм и кихотизм как некие литературные компоненты более обширного европейского культурного кода, и их функционирование в литературном пространстве вплоть до нашего времени.

В современном сравнительном литературоведении, главная задача интертекстуального анализа текста – это обнаружение тех кодов, через которые идет возникновение новых текстовых смыслов. Как известно, код в гуманитарном познании берет свое начало в известном эссе Роланда Барта «С/З», где на материале бальзаковской новеллы «Сарразин» был предложен принципиально новый подход к анализу текста. Позднее Барт развил и уточнил свой метод: «мы называем кодами ассоциативные поля, ... определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного» [5; 455–456]. В настоящее время предпринимаются активные попытки дальнейшего научного освоения культурного кода. Некоторый опыт осмысления его в отдельности, а также в взаимосвязи с резонансным пространстве на конкретном этнокультурном материале Молдовы накоплен в трудах Риты Клейман [7; 185].

То есть, под термином культурный код мы понимаем особую комбинацию знаков, символов, семантических пластов, носителями которой являются представители определенной социокультурной ментальности. В частности, в качестве примера можно назвать такие современные элементы культурного кода, характерные для особой культурной среды, как гламур, дресс-код, метросексуал и проч.

Европейский культурный код – это особая историко-культурная реальность, настоятельно требующая всестороннего научного осмысления; отдельные составляющие европейского кода культуры это авторские течения с явно выраженным наличием субъективно-личностного и эстетического начала как руссоизм, вольтерьянство, байронизм, но и персонажные течения, как прометеизм, боваризм, обломовщина, форсайтизм и т.д. Мы попытаемся дать развернутый анализ на примере двух составляющих европейского кода культуры: гамлетизм и кихотизм, производные от вечных героев, вековых образов литературы, которые представляются нам фундаментальными.

Основной тезис доклада, продолжая тургеневскую концепцию о противоположности, но и взаимодополняемости, заключается в том, что именно Гамлет и Дон Кихот – центральные фигуры, определяющие и объясняющие европейцу собственное мышление и состояние души с эпохи романтизма вплоть до нашего времени. Наше исследование не претендует на полное раскрытие проблемы, а частичное освещение интересного аспекта литературных взаимосвязей.

Понятие гамлетизма берет свое начало от шекспировского героя из трагедии мести XVII века. По мнению видного режиссера Григория Козинцева появление гамлетизма как социально-культурного феномена обусловлено тем что «одно из свойств образа оказалось способным дать нарицательное имя, одна из черт постепенно превратилось в единственную» [8; 143]. Абсолютизация в эпоху романтизма нерешительности, выявила настоящую компанию прославления датского принца, превращение его в символ рефлексии со своими атрибутами: черными одеждами, пером и грустью, позже, на рубеже веков, в миф, литературный код. Кодовое значение Гамлета, к примеру, в английской литературе можно проследить на многих текстах XX века: многочисленны гамлетовские аллюзии и реминисценции в «Улиссе» Жойса, гамлетовский код служит первичным ключом к разгадке тайны «Черного принца» Мердок. Термин гамлетизма рассматривается французским исследователем Максом Якобом в своей «Art poetique» как «une façon inattendue d'expression tenant à la profondeur de la pensée ou tendant à la faire supposer» (неожиданный способ проявления глубины мысли или склонность быть предполагаемым) [3; 39].

По мнению литературного критика Всеволода Багно «главным итогом освоения многими поколениями читателей романа Сервантеса явилось такое культурное явление, как «донкихотство», которое начинается с того момента, когда кто-то из читателей романа впервые сравнил себя с Дон Кихотом» [4; 425]. Термин «донкихотство» с каждой новой эпохой наполнялся новым содержанием: одни акцентировали уничижительное значение слова, другие подчёркивали высокий смысл «донкихотства». Вот почему мы апеллируем к термину кихотизм, утверждённый Мигелем де Унамуно в качестве испанской религии в начале XX века, для характеристики общечеловеческого явления, стремление к идеалу, обреченное на провал.

Таким образом, гамлетовский код определяется совокупностью тем, реминисценций, аллюзий, цитат, сюжетных ситуаций, развернутых метафор, мотивов в составе текста, которые переключаются с шекспировским шедевром.

Ниже мы рассмотрим некоторые свойства персонажного течения и их функционирование в европейском культурном пространстве.

Гамлетизм и кихотизм представляют собой признак специфичности героев, давшим свое название, продолжая вереницу фаустизма, донжуанства и других симилярных социокультурных феноменов.

Гамлет и Дон Кихот два трагических энтузиаста позднего Возрождения, положившие свою жизнь на алтарь борьбы за добро и истину. Основным мотивом гамлетовским мотивом является осознание мира как темницы, в которой «the time is out of joint» и бунт против мироустройства, Дон Кихот пытается гармонизировать этот мир, но оба терпят неудачу, так как действуют вне социально-исторических реалий, аргументируя крах ренессансных идеалов в совершенном обществе. По мнению румынского исследователя Матея Кэлинеску престиж кихотизма состоит в «необходимости иллюзии», когда как гамлетизм символизирует «необходимость человека разрушать мифы и иллюзии, контролировать себя и других посредством совести» [2; 147].

Гамлетизм и кихотизм воспроизводят некое состояние литературы до них и после. Миф Дон Кихота это исключительно литературный миф, созданный гением Сервантеса, как пародия на рыцарские романы. Шекспир использовал прообраз героя хроник Сакса Грамматика, гамлетовский облик предвосхищают герой трагедии Томаса Кида, исторические личности как Лорд Ессекс или сам Шекспир. [12; 130]. При изучении источников и сопоставлении ряда мотивов украинский писатель и критик Иван Франко обнажил архитепичность произведения, так как сами материалы были для Шекспира «купа хворсту, з котрої тільки геній може зробити огнище, що горить і світить віки-віками» [13; 314, 317].

Испанский исследователь Рамиро де Маезту видит в «Дон Кихоте» классическую книгу Испании, а Гарольд Блум утверждает что: «Shakespeare is at the center of the Canon at least in part because Hamlet is. The introspective conscionuness, free to contemplate itself remains the most elitist of all Western images, but without it the Canon is not possible» [1; 73].

Украинский исследователь Ф. Грим указывал в своей работе на историко-социальные предпосылки появления «культы гамлетизма» в Германии: «немцы превратили временную нерешительность принца Датского в вечную вневременную категорию» [6; 7]. В начале XIX века гамлетизм становится обозначением рефлексии, подмены дела суждением. Видный литературный критик Юрий Левин в своей работе утверждает что: «русский гамлетизм возник прежде всего на основании национальных литературно-общественных условий, применительно к которым интерпретировалась шекспировская трагедия и ее герой ... решающее значение для формирования русского гамлетизма, т. е. осмысления с помощью образа шекспировского героя определенной общественно-психологической позиции передовой интеллигенции 1830–1840 имел перевод Полевого» [9; 160], однако Гамлет Полевого – мятущийся, раздраженный человек, озлобленный на окружающих его людей. Первые исполнители роли, Мочалов и Каратыгин, подчеркивали грандиозность, демонизм персонажа. Восприятие Гамлета как демона становится актуальной в поколении Маларме, когда акцентируются мотивы одиночества и печали. Гамлетизмом страдало творчество поэтов Артура Римбо, Александра Блока, Леси Украинки. На рубеже XIX–XX вв. шекспировская пьеса становится символом гибели европейской культуры. Психоанализ добавил к гамлетизму Эдипов комплекс, у героя обнаружили психическое заболевание. Больным оказался не век, согласно шекспировскому

«Гамлету», а одинокая человеческая душа, искалеченная патологией сознания. В психоаналитическом ключе представлены работы выдающегося актера и режиссера Лоуренса Оливье, Франко Зефирелли.

Гамлетизм и кихотизм преодолевают литературный барьер в сфере культуры, их образы вдохновляют художников, режиссеров, композиторов. Литературный персонаж приобретает культурологическое значение.

Образы Дон Кихота и его верного оруженосца вдохновляли самых разных художников. Многие испанские мастера старались воплотить в искусстве своего национального литературного героя. Знаменитый рисунок Пабло Пикассо сделался хрестоматийным. У мастера XX века российского художника Анатолия Зверева Дон Кихот неловок, хрупок, призрачен. Среди музыкантов, вдохновлённых образом Дон Кихота, были А. Сальери, Д. Ристори, И. Труффи, Н. Пиччини, Ф. Мендельсон, А. Рубинштейн, Р. Штраус, джазовые композиторы, авторы мюзиклов. Одним из самых значительных явлений в театральной истории сервантесовского героя стала пьеса М. А. Булгакова «Дон Кихот» (1938), написанная по просьбе вахтанговцев. В 1960-е широкой популярностью в Америке и Европе пользовался мюзикл М. Ли «Человек из Ламанчи» (премьера – 1966, экранизация – 1972).

Журналистика также приумножает литературный аспект политического, культурного, социального эффектов Гамлета и Дон Кихота.

Гамлетизм и кихотизм как персонажные течения предполагают мифологизацию и демифологизацию.

Миф Гамлета и Дон Кихот появляются в начале XIX века, когда переосмысливаются классические постулаты и открывается глубокий смысл и символичность этих героев. Гамлет олицетворяет мыслителя в черном с пером на шляпе, отягощенный «mal du siècle», Дон Кихот идеал благородства, героизма, самопожертвования во имя высокой цели. На рубеже веков усиливается символическое значение этих героев, это процесс, далекий от завершения. Позже Гамлет становится кодом в расшифровке потока сознания джойсовского Стивена Дедалуса, пирандельского Енрико IV, шолоховского Мелехова.

Отрицание гамлетизма (демифологизация) происходит параллельно его становлению, и является объективным процессом, присвоив этому диалектичность. Вспомним панегирик Вольтера, против автора «Гамлета» и персонажа. Лев Толстой утверждает: «Нет никакой возможности найти какое-либо объяснение поступкам и речам Гамлета и потому никакой возможности приписать ему, какой бы то ни было характер» [10; 290], а также его помпезность. В своей речи, ставшей некой константой, Иван Тургенев дает негативную оценку характера Гамлета, его симпатии адресованы Дон Кихоту. Он противопоставляет две линии поведения человека: гамлетовское – безверие, эгоизм, холодность народных масс, и донкихотское – глубокая вера в идеал человека, незыблемость истины и красоты [11; 288–290].

Перманентность гамлетизма и кихотизма подтверждает императив вечных образов: оно обязательно рождает новых героев, произведения, моделируют сознание читателей. Гамлет – это протейформный герой, оказавший влияние на таких героев как Иванов, Иван Карамазов, Брэдли Пирсон, Радуга Негреску, Веня Заложников и др. Дон Кихот доказал свою постоянство посредством мистера Пиквика, мадам Бовари, князя Мышкина, Иешуа, Степана Ефремовича Копенкина и других. В этом качестве гамлетизм и кихотизм становятся художественным принципом эстетической оценки во все времена и во всех литературах.

Таким образом, мы рассмотрели и определили фундаментальные компоненты европейского культурного кода, гамлетизм и кихотизм, и их основные свойства: признак специфичности характера, состояние литературы; в качестве персонажного течения они подразумевают следующие процессы: мифологизация, отрицание, перманентность. Сравнивая, мы выявили, что каждый из литературных кодов представляет собой отличительное персонажное течение, появившееся в XIX веке, представляющие некую дихотомию. Донкихотство, соотносимое гамлетизмом, по мнению В. Багно «понятие более емкое и многогранное, покрывающее значительно более широкий круг значений» [4; 426]. Частично разделяя мнение автора, добавим к этому, что в силу своей специфичности гамлетизм больше связан психологическими аспектами жизнедеятельности, подтвержденный театральными

постановками и экранизациями, является более открытым к драматургическим жанрам. Оба они – явления международные, в разное время наполнявшиеся разным содержанием.

Литература:

1. Bloom. H. The Western Canon. The books and school of the Ages / Harold Bloom. – Florida, 1994.
2. Călinescu M. Eseuri critice. Don Quijote și Hamlet / Matei Călinescu. – București, 1967.
3. Jacob M. Art poetique / Max Jacob. – Paris, 1922.
4. Багно В. Дорогами «Дон Кихота»: Судьба романа Сервантеса / Всеволод Евгениевич Багно. – М. : Книга, 1988.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика поэтики / Роланд Барт. – М. : Прогресс, 1998.
6. Грим Ф. Русская и украинская гуманистическая концепция трагедии Шекспира «Гамлет» / Ф. Грим – Киев : КГПИ, 1958.
7. Клейман Р. Французский код в резонансном пространстве русской культуры XVIII–XX вв. / Рита Клейман // La francopolyphonie comme vecteur de la communication. Colloque International. – Кишинэу : УЛИМ, 2006. – С. 185–192.
8. Козинцев. Г. Наш современник Вильям Шекспир / Григорий Козинцев. – М.–Л. : Искусство, 1966.
9. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература / Юрий Давидович Левин. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1988.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22-х т. / Лев Николаевич Толстой. – М. : Худ. лит-ра, 1983. – Т. 15. – 1983.
11. Тургенев И. С. Собр. соч. в 6-ти т. – Т. 6. / Иван Сергеевич Тургенев. – М., 1968.
12. Урнов М. В., Урнов Д. М. Шекспир. Его герои и его время / Михаил Васильевич Урнов, Дмитрий Михайлович Урнов. – М. : Наука, 1964.
13. Франко І. Твори в 20-ти тт. XVIII. Літературно-критичні статії / Іван Франко. – Київ, 1955.

**The Hamletism and the Quixotism
as the Literary Components of the European Cultural Code**

The author examines the cultural code and the European cultural code in particular. The aim of the research is to analyze the hamletism and the quixotisme as the literary components of the latter.

Ярина Янюк (Дрогобич)

**ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДІВ ГРИГОРІЯ КОЧУРА
АНГЛІЙСЬКОЇ ПОЕЗІЇ**

Актуальність нашої розвідки зумовлена зростаючим інтересом лінгвістів до дослідження поетичних перекладів, використання нових підходів, пов'язаних із розвитком компаративістики та перекладознавства.

Предметом дослідження послужили вірші Джорджа Байрона «Sun of the Sleepless! Melancholy Star...», Персі Біші Шеллі «Ozymandias» та Емілі Діккенсон «Nobody» в україномовних інтерпретаціях Григорія Кочура.

Метою розвідки є визначення еквівалентності перекладу Григорієм Кочуром англійської поезії, зокрема збереження поетичності тропів і відповідність частин мови при перекладних трансформаціях.

Проблемам перекладу присвячені праці таких вчених як Микола Зеров, Роксолана Зорівчак, Тарас Кияк, Ілько Корунець, Анатолій Науменко, Яків Рецкер та ін.

Художній переклад – це яскравий приклад взаємодії та взаємного впливу культур, представлених текстами оригіналу та перекладу. Особливе значення для перекладу має передача в художньому творі не тільки експліцитних явищ, втілених у семантиці, стилістиці чи синтаксисі, але й самобутнього колориту оригінального твору, присутність індивідуалізованого бачення об'єктивних реалій автором, тобто те імпліцитне, що, на перший погляд, є прихованим від ока.